

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ И СОВНАРХОЗЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Иntenсивное освоение природных богатств Восточной Сибири в 50-60-е гг. обострило экологическую ситуацию в регионе. Обнаруженные нами архивные документы проливают дополнительный свет на возникновение байкальской проблемы и участие в её решении местных органов управления.

В середине 50-х г. возникла государственная потребность в особых сортах целлюлозы для выпуска сверхпрочного авиационного корда. Для этого требовалась вода особого качества. Решение не было простым. Первоначально рассматривались варианты использования вод Ладожского, Онежского, Телецкого озер. На Байкале предварительно изучили 15 площадок.¹ Но даже при выборе варианта размещения Байкальского ЦБК на альтернативной основе опасность загрязнения Байкала сохранялась. Несмотря на это государственный интерес взял верх.

К этому периоду природопользование бассейна Байкала складывалось неудовлетворительно. Реки и их притоки, расположенные прежде всего на территории Бурятской АССР и являющиеся преимущественно местами размножения промысловых рыб, попали под сильное отрицательное влияние лесосплава и развертывавшейся промышленности. Особенно загрязненной оказалась одна из основных нерестовых рек Байкала — Селенга и ее притоки: Уда, Хилок, Чикой и Джида. В районе г. Улан-Удэ в Селенгу сбрасывали без надлежащей очистки сточные воды 18 предприятий, а через Уду в нее поступали стоки еще 18 предприятий. По оценке руководства Главгосрыбвод при Совете Министров РСФСР, Уда полностью потеряла свое рыбохозяйственное значение.²

Прибрежная зона Байкала, исключая территорию Баргузинского заповедника, практически не охранялась. На берегах, включая склоны гор, обращенные непосредственно к озеру, производилась все возрастающая рубка леса.³ Совет Министров Бурятской АССР и Иркутский облисполком принимали ряд решений по охране природных богатств озера Байкал, но они являлись частными и редко выполнялись.⁴

Ведущееся гидроэнергетическое строительство и намечаемое на семилетку создание в районе Байкала двух целлюлозных комбинатов

Мерцалов Виктор Иванович - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧИ ИГЭА.

резко увеличивали в перспективе техногенную нагрузку на природу Байкала. Первоначальными проектами Мосгидпроекта отрабатывался вариант взрыва в истоке Ангары с целью ускорения заполнения Иркутского и Братского водохранилищ, что могло привести к понижению уровня Байкала за пределы его естественных колебаний.⁵ Экспертиза проектов строительства целлюлозных комбинатов, возглавляемая членкором Н. Некрасовым, показала, что заражение озера промышленными отходами не ограничится ни трех, - ни даже десятикилометровым радиусом распространения, а будет иметь гораздо больший масштаб из-за существующего в Байкале течения, идущего к северу вдоль восточного берега, как раз в районы расположения ценнейших рыбохозяйственных урочищ.⁶

Все это всколыхнуло общественность. Отправным моментом стало региональное совещание по развитию производительных сил Иркутской области в августе 1958 г. Оно приняло резолюцию о необходимости объявления Байкала с прилегающей к нему 50-километровой зоной государственным заповедником.⁷ Появились публикации в «Восточно-Сибирской правде». Но самым влиятельным органом общественности стала «Литературная газета». Она опубликовала сначала в октябре 1958 г., а затем в феврале и марте 1959 г. ряд статей об охране озера Байкал, его фауны и флоры.⁸

Одновременно отдельными лицами, группами и организациями стало оказываться непосредственное давление на государственные структуры. Группа ленинградских геологов в феврале 1959 г. обратилась с письмом к Н.С. Хрущеву. Они высказались за объявление Байкала и его окрестностей «неприкосновенным заповедником». Этой же позиции придерживался советский физиолог академик К.М. Быков. Он, будучи заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР, обратился с письмом к главе Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому. С ходатайством о проведении мероприятий по сохранности природных богатств Байкала обратилась в республиканское правительство Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. Не остался в стороне и Московский филиал Географического общества СССР. Он, в свою очередь, также получал письма от различных организаций, включая Байкальский отдел Географического общества СССР и сотрудников Восточно-Сибирского филиала АН СССР. Председатель Московского филиала ГО СССР И.Д. Папанин и член Президиума этого филиала Н.Н. Баранский направили заместителю Председателя Совета Министров РСФСР М.А. Яснову обстоятельную резолюцию собрания отделения физической географии, принятую 23 апреля 1959 г.⁹

Давление общественности было достаточно сильным, чтобы пройти незамеченным. Главгосрыбвод радикализировал свою позицию.

Он считал даже переработанный проект Селенгинского ЦБК, в котором исключалось создание производства вискозного корда как особенно вредного для окружающей природы, нежелательным. Госплан РСФСР не ограничился только отрицательным выводом на предложение ленинградских геологов, а по поручению правительства был вынужден с апреля 1959 г. предметно заняться решением проблемы охраны природы Байкала.¹⁰

Позиция республиканского Госплана состояла в том, чтобы обеспечить условия развития промышленности и одновременно выработать меры, блокирующие негативные ее последствия для Байкала. Эту позицию заняли правительственные ведомственные структуры, с самого начала — Главохота РСФСР, а затем и Главгосрыбвод. Собрание отделения физической географии Московского филиала ГО СССР тоже не поддержало идеи Иркутского регионального совещания об организации нового Байкальского заповедника, считая, что «Байкал связан тысячами нитей с экономической жизнью страны и не может быть изъят из хозяйственного использования».¹¹

В середине апреля 1959 г. Госплан РСФСР рекомендовал республиканскому правительству провести по проблеме охраны природы Байкала совещание с участием представителей заинтересованных организаций, чтобы затем вынести ее обсуждение на заседание комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по текущим делам. Но организационный процесс решения проблемы разворачивался вяло. Видимо, ожидали, какую позицию займут союзные руководящие органы. Только после письма Госплана СССР на имя зампреда Совета Министров РСФСР В.Н. Новикова от 19 мая 1959 г.¹² был дан должный разворот делу.

Госплан РСФСР провел совещание с представителями ведомств, проектных институтов и Географического общества СССР по вопросу об охране природы Байкала. Оно выработало ряд предложений: увеличить число заповедных зон в прибрежных районах северо-восточного, северо-западного и юго-западного побережья озера; предусмотреть мероприятия по усилению искусственного воспроизводства рыб; предусмотреть полную очистку сточных промышленных вод в проектах, намеченных к строительству двух целлюлозно-бумажных комбинатов; поручить АН СССР разработать план комплексного использования природных ресурсов Байкала. Кроме этого Госплан РСФСР предложил создать правительственную комиссию из специалистов разных отраслей и поручить ей с участием местных органов подготовить проект решения Совета Министров РСФСР по этому вопросу.¹³

Правительственная комиссия была окончательно сформирована в июле 1959 г. в составе 18 человек под председательством

Г.М. Орлова, зампреда Госплана РСФСР. Наряду с представителями государственных центральных учреждений в ее состав вошли местные руководители: председатель Совета Министров Бурятской АССР В.Р. Филиппов и председатель Иркутского облисполкома А.В. Гриценко, председатели Бурятского и Иркутского совнархозов — А.В. Давыдов и М.Н. Маркелов, а также представители науки: С.А. Христианович — заместитель председателя СО АН СССР, В.А. Кротов — председатель Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР, академик А.С. Яблоков и член-корреспондент С.С. Пятницкий — от Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук.¹⁴ Комиссия собиралась четыре раза. К работе привлекались различные специалисты, включая специалистов Гипробума, Центрального института бумаги, Гидроэнергопроекта. Она подготовила письмо и проект постановления республиканского правительства об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал, принятого 9 мая 1960 г.¹⁵

В целом характер проекта постановления, подготавливаемого комиссией, предопределялся сложившимся компромиссом: промышленность развивать, но максимально сократить ее отрицательные последствия. В рамках этой общей позиции были и нюансы. Бурятский СНХ проявил себя более активно, чем Иркутский совнархоз. Но это объясняется тем, что у Бурятского СНХ в плане сохранения окружающей среды Байкала было больше проблем, чем у иркутян. Достаточно отметить, что лесозаготовки в Иркутской области велись только в районе одной реки, впадающей в Байкал, — р. Голоустной, и объем лесозаготовок на 1959-1965 гг. здесь не увеличивался.¹⁶ В отношении необходимости полной очистки на Байкальском ЦБК позиция Иркутского СНХ была твердой. Немаловажно отметить, что еще при утверждении проектного задания строительства Тайшетского металлургического комбината на заседании Иркутского СНХ было предложено просить Совет Министров РСФСР о признании реки Бирюса в качестве технической. Совнархоз с таким предложением не согласился и выделил свою позицию отдельным пунктом принятого решения.¹⁷

Бурятский СНХ при обсуждении проекта постановления предложил не только расширить зону улова рыбы на Байкале, но и создать в 1960-1962 гг. предприятия по ее искусственному разведению. Но на 1959-1962 гг. строительство рыбободных заводов по Бурятскому СНХ не предусматривалось, а финансовые и материальные ресурсы были выделены на строительство подобных предприятий в других районах. Поэтому отдел рыбной промышленности Госплана РСФСР высказался против. Однако предложение Бурятского СНХ все-таки включили в постановление. Им предусматривалось строительство в 1961-1963 гг. рыбободных заводов общей мощностью 3 млрд. икринок в год.¹⁸

В целом же активность совнархозов в ходе подготовки проекта постановления проявлялась меньше в сравнении с деятельностью местных советских органов. Эта разница в значительной мере обуславливалась их статусом. Совнархозы все-таки в большей степени являлись органами государственно-хозяйственного центра на местах. К этому добавлялась и большая возможность получения информации о намерениях центральных ведомств в решении вопросов, касавшихся интересов территорий. Иркутский СНХ, например, не мог не знать, что вопрос о проведении взрыва в истоке Ангары находится в стадии разработки и, по мнению Министерства строительства электростанций, мог быть решен положительно только при условии, что изменение уровня Байкала не превысит размеров естественных колебаний.¹⁹ Эти факторы придавали позиции совнархоза умеренный характер.

Позиция Иркутского облисполкома, напротив, была значительно радикальнее. Опасаясь возможного снижения уровня воды в Байкале от естественной отметки, он предлагал прекратить работы по проектированию прорези в истоке Ангары. Одновременно он просил правительство поручить Мосгидэпу изучить вопрос о целесообразности подъема уровня воды в Байкале до отметки 457 (Отметка 457,50 была верхним пределом естественного уровня Байкала) для обеспечения лучшего регулирования стока для всех ангарских ГЭС.²⁰

В целом факты свидетельствуют, что предотвратить вторжение крупной промышленности в зону Байкала в то время было невозможно. Одновременно следует учитывать, что освоение природных богатств Восточной Сибири осуществлялось мобилизационными методами в форсированном режиме. Все это вело к немалым потерям. Председатель Иркутского облплана П. Силинский писал о серьезном ущербе, нанесенном хозяйству области, когда при очистке от леса ложа Братской ГЭС было сожжено несколько миллионов кубометров древесины, так как железная дорога не справлялась с потоком лесных грузов, а использование водного транспорта проектом лесочистки не предусматривалось.²¹

Вынесенные уроки не проходили даром. Бурятский обком, рассмотрев в ноябре 1965 г. основные направления генеральной схемы комплексного использования природных ресурсов озера Байкал и его бассейна, принял решение о ее доработке с учетом требований по охране байкальской природы.

Но одновременно проявилась и инерция старого подхода, действующая не просто в качестве определенного направления, а функционирующая как система действий, поддерживаемая иерархией подчинения в управлении. Тот же Бурятский обком партии, подчеркивая важность природоохранных мер на Байкале, критиковал Ленгипрогор

за то, что он не предусмотрел развития химической и лесохимической промышленности в районе Байкала и г. Улан-Удэ, определенного решениями «директивных органов».²²

Эта зоркость партийного контроля вытекала не только из необходимости соблюдения государственной дисциплины, но и из установки местных органов на максимально возможное индустриальное развитие своих территорий. Между тем правительство, имея опыт создания Байкальского ЦБК, оставило планы размещения подобных производств на Байкале.²³

Хотя вторжения крупной промышленности в зону Байкала предотвратить не удалось, но активное вмешательство общественности, поддержанной местными органами управления, придало технико-экономическому подходу центральных государственных структур экологический ракурс. В сферу государственного интереса стала все больше включаться экологическая проблема, влияя на размещение производительных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Суходолов А.П. Диверсификация и модернизация производственной инфраструктуры г. Байкальска как способа решения байкальской проблемы. //Вестник Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1997. - №12. - С. 34.
2. ГАРФ, ф. А-259, оп. 42, д. 4872, л. 113.
3. Там же, л. 96.
4. Там же, л. 104.
5. Там же, л. 103.
6. Там же, л. 90.
7. Там же, л. 93.
8. Литературная газета. - 1958. - 21 октября; 1959. - 10 февраля и 21 марта.
9. ГАРФ, ф. А-259, оп. 42, д. 4872, л. 86, 102, 103, 129.
10. Там же, л. 81.
11. Там же, л. 94.
12. Там же, л. 99-101.
13. Там же, л. 97, 98.
14. Там же, л. 72.
15. Там же, л. 24, 66.
16. Там же, л. 109.
17. ГАИО, ф. Р2725, оп. 4, д. 21, л. 105.
18. ГАРФ, ф. А-259, оп. 42, д. 4872, л. 25, 43, 44, 51.
19. Там же, л. 104.

20. Там же, л. 42.
21. Силинский П.П. Планирование народного хозяйства области. Методология и организация. - М., 1967. - С. 23.
22. НАРБ, ф. 1п, оп. 1, д. 7289, л. 31.
23. Цыкунов Г.А., Из истории научной и проектной подготовки к освоению ресурсов реки Ангары. // Историко-экономический научный журнал. - Иркутск - Чита: Изд-во ИГЭА, 1998. - №3. - С. 118.

Н.С. Кирмель

СИБИРЬ И ЗАБАЙКАЛЬЕ – АРЕНА БОРЬБЫ РОССИЙСКИХ И ГЕРМАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом войны германская спецслужба разработала специальный план разведдеятельности в Восточной Азии, который включал: сбор сведений об экономическом положении в Сибири и о состоянии размещенных здесь русских вооруженных сил; попытки обострить отношения России с Китаем для того, чтобы удержать русские войска в местах дислокации и не допускать их переброски на фронт; организацию диверсий на железных дорогах, особенно на КВЖД, для срыва поставок Антанты в Россию, а также содействие побегам германских, австро-венгерских и турецких военнопленных из мест содержания за границу.¹ Базой германского шпионажа стала Маньчжурия, поскольку Китай в то время сохранял нейтралитет.

Особое внимание уделялось изучению обстановки в Забайкалье. В соответствии с планом, агентура германской разведки, находившаяся на территории Сибири, с началом войны активизировала свою деятельность по сбору информации и стала осуществлять диверсионные акты на заводах оборонного значения, железных дорогах и в морских портах.

При объявлении мобилизации в России германская спецслужба для выяснения численности призванных из запаса нижних чинов прибегла к обширно разбросанной по всей российской империи немецкой компании «Зингер». Каждый ее агент был обязан изучать обслуживаемую им местность и представлять списки населенных пунктов с точным указанием дворов и жителей, данные о местах проживания представителей администрации, расположение войск, складов, железнодоро-

Кирмель Николай Сергеевич - подполковник, начальник отдела боевой подготовки редакции газеты СибВО «На боевом посту», кандидат исторических наук.